

Но в этот момент Сун Ле плакал, и Се Сицзэ словно увидел, как рушится гора. Каменные осколки падали ему на сердце, давили тяжело, не давая вздохнуть.

Он хотел сказать Сун Ле: «О чем ты плачешь? Тебе нельзя плакать».

Но в следующую секунду Сун Ле выдал неожиданное.

— Сяо Цзэ, я раскаиваюсь.

Сун Ле поднял влажные глаза.

— С тех пор, как ты ушел, я ни на миг не переставал раскаиваться. Я вернулся за тобой.

Сун Ле смотрел на Се Сицзэ, голос его был мягким:

— Знаешь ли, в тот день, когда ты ушел, дерево во дворе покрылось бутонами, и аромат цветов наполнил весь сад.

— Я вернулся, чтобы вместе с тобой полюбоваться цветами.

Ты еще хочешь?

После ухода Се Сицзэ Сун Ле долгое время не мог заниматься ничем другим. Ворота усадьбы Сун были закрыты, он никого не принимал.

Дерево-зонтик, которое Се Сицзэ посадил в южном дворе, покрылось зелеными бутонами. Сун Ле организовал его похороны и каждый день сидел под деревом в ожидании. Вскоре цветы распустились, окутав дерево снежной белизной.

Сун Ле часто в полудреме вспоминал, как маленький Се Сицзэ бегал вокруг саженца. Ребенок был низкого роста, и Сун Ле сажал его к себе на плечи. Прошло несколько лет, и он наблюдал, как ребенок и дерево тянутся вверх вместе.

Дерево, посаженное Сяо Цзэ, зацвело, следующим шагом должно было быть совместное любование цветами, но его Сяо Цзэ больше не было.

Сун Ле начал сидеть под деревом и ждать возвращения Се Сицзэ. Ждал целыми днями, от рассвета до глубокой ночи. В первый день он не дождался и не хотел возвращаться в дом. Дядя Ли уговаривал его безрезультатно, оставаясь ждать вместе с ним, и они сидели под деревом всю ночь, вдыхая аромат цветов.

На второй день...

На второй день Сун Ле снова не вернулся в дом. Наступила ранняя осень, в воздухе появилась прохлада, завтракали под деревом. Сун Ле поливал дерево, подрезал ветки, говорил пару слов в воздух — на самом деле эти слова предназначались Се Сицзэ, но его ребенок, казалось, больше не слышал.

Третий день, четвертый, пятый...

Сун Ле не выходил за пределы усадьбы Сун ни шагу. Звонки из компании поступали все чаще, он перепоручал их подчиненным, сам ничего не делал, только сидел под деревом и ждал.

Позже поднялся осенний ветер, похолодало, ветер закручивал лепестки, покрывая его плечи и

то место, где стояли его ноги.

Все цветы, распустившиеся в этом году, осыпались, но Се Сицзэ не вернулся...

Сун Ле с горечью осознал, что ребенок, которого он растил своими руками, никогда не вернется.

Это был лишь первый год. В первый Новый год после ухода Се Сицзэ Сун Ле не праздновал. Вся компания ушла в отпуск, а он весь праздник просидел в офисе, перерабатывая, и только когда уставал, просил водителя отвезти его обратно в усадьбу.

Сун Ле боялся возвращаться сюда, потому что в усадьбе Сун осталось много следов Се Сицзэ: детские зарубки на каменной периле, наклейки на окне, подушки-животные на диване, игрушки для мобильных игр, спрятанные на дне шкафа, тетрадка в клетку в ящике письменного стола в кабинете. Стоило потянуть за ящик, и всё, что Се Сицзэ оставил с детства до взросления, попадалось на глаза. Эти вещи до сих пор стояли нетронутыми, не хватало только того, кого он хотел видеть.

Сун Ле провел холодный Новый год. Когда Сун Цзин пришел поздравить его, он сказал много слов, чтобы он взял себя в руки. Сун Цзин три года преподавал у Се Сицзэ биологию, и Сун Ле, когда тоска становилась невыносимой, спрашивал его о Се Сицзэ на уроках. Услышав, что тот иногда спал на уроках или отвлекался, он невольно улыбался. Услышав, что его обижали, он хмурил брови и спрашивал, кто это сделал. Услышав, что одноклассницы писали ему записки, он думал о тетрадке в ящике стола.

В год, когда ребенок только учился писать, первым он выучил имя Сун Ле. В тетради в клетку было много страниц с кривыми иероглифами «Сун Ле», написав за день, он небрежно засовывал тетрадь в ящик и со временем забывал. Поэтому Сун Ле стал вписывать имя Се Сицзэ во все пустые места тетради, которые не были заполнены.

На второй год Сун Ле всё еще не мог свыкнуться с тем, что его ребенок ушел. В телефоне хранились их совместные фото, когда скучал — открывал и смотрел.

Но со временем человек на фото в памяти Сун Ле начинал искажаться. Того, кого он видел каждый день, черты лица, выражение — со временем всё это размывалось в памяти, от просмотра раз в день он перешел к шести-семи разам. Но сколько бы он ни смотрел, с ужасом обнаруживал, что уже не может четко вспомнить лицо Се Сицзэ.

Сун Ле с запозданием понял, что за два года после ухода Се Сицзэ ни разу не видел его во сне.

Третий год...

На третий год у Сун Ле начали появляться седые волосы. Мужчине за сорок, телосложение по-прежнему крепкое и высокое, внешность мужественная и привлекательная, но седину уже было не скрыть. Он не пытался это делать, а когда подчиненные деликатно предложили найти стилиста, он мотал головой: пусть так и остается. Сначала седых волос было всего пара, но потом, если смотреть издали, голова казалась седой наполовину.

Несмотря на это, Сун Ле по-прежнему нравился многим светским львицам, они говорили, что такой мужчина хотя и выглядит холодным, но видно, что он умеет заботиться. Сун Ле холодно усмехался про себя: если бы он умел заботиться, как бы он довел ребенка, который был с ним двенадцать лет, до смерти?

При мысли о том ребенке у него начинала болеть голова. Длинные или короткие три года, он уже не мог вспомнить лицо Се Сицзэ. Возвращаясь в офис, он брал телефон и открывал фото, которое смотрел бесчисленное количество раз, одно, два, три, медленно собирая образ в голове. К концу рабочего дня он пытался вспомнить, но черты лица ребенка снова начинали размываться, он... он не мог вспомнить...

Так прошел четвертый год, пятый... На двенадцатый год слышал, что двенадцать лет — это цикл перерождения человека. Сун Ле, которому только что исполнилось пятьдесят, рано утром прилетел из-за границы. Водитель встретил его, он потер уставшие глаза и приказал везти прямо в кладбище.

На улице шел дождь, Сун Ле сквозь дождевое стекло вспомнил кое-что, о чем давно не думал. Видимо, с возрастом организм автоматически вырабатывает инстинкт самосохранения: каждый раз, когда он думал о том ребенке, у него болела голова и сердце. Позже, сколько бы он ни пытался вспомнить, ничего не выходило. Телефон с фото Се Сицзэ был аккуратно убран, он погрузился в работу, и только каждый год в это время, где бы он ни находился, обязательно возвращался вовремя.

На кладбище было безлюдно. Сун Ле с цветами подошел к могиле Се Сицзэ. Человек на фото навсегда застыл в двадцать лет, с ясными бровями и черными глазами, в уголках губ застыла яркая и гордая улыбка, словно июльское солнце, сопровождающееся солнечным дождем, с оттенком нежности.

Сун Ле смотрел и вдруг почувствовал, что образ Се Сицзэ становится четким, словно заново оживает в его сердце. Прошло двенадцать лет, если бы Се Сицзэ был жив, сейчас он был бы в лучшем возрасте мужчины. Возможно, он был бы полон энтузиазма, или красив и необычен, зрел и спокоен, или остался бы подростком с переменчивым настроением, большим мальчиком. Каким бы он ни был, Сун Ле думал об этом с радостью, хотя сам уже начал медленно стареть.

— Сяо Цзэ, я очень скучаю по тебе.

Человек на фото улыбался ему.

Сун Цзин, узнав об этом, приехал навестить его, и глаза его тут же покраснели.

В то время Сун Ле сидел во дворе и пил чай. Дядя Ли был уже в возрасте, но всё так же охранял этот двор. Переулок Шилиу всё так же оставался длинной улицей, и несмотря на то, как развивался Чуаньчэн все эти годы, эта длинная улица не менялась. На ветвях деревьев цикады не переставая стрекотать, дерево-зонтик выросло очень большим. Он поднял голову и вдруг вспомнил детство Се Сицзэ: тот не любил играть с другими детьми, когда Сун Ле не было дома, он брал длинную бамбуковую палку и крался вокруг дерева, ловя цикад. Когда Сун Ле возвращался после полудня, он видел во дворе цикад, выстроенных в ряд, стрекочущих «чжи-чжи-чжи». Если какая-то замолкала, Се Сицзэ присаживался и безостановочно тыкал в нее пальцем, заставляя снова петь.

Сун Ле подошел к нему и присел рядом.

— Весело?

Лишь тогда Се Сицзэ радостно воскликнул, обвил руками шею Сун Ле ладонями, которые весь день трогали цикад:

— Почему ты только сейчас? Я ждал тебя весь день!

Сун Ле улыбался, относил ребенка к крану мыть руки, потом нес его на спине в комнату, позволяя Се Сицзэ ездить на нем верхом.

Сун Цзин смотрел на его улыбку и на мгновение рассеянно спросил:

— Дядя, ты все еще помнишь того ребенка?

<http://bllate.org/book/16434/1489770>